

С писателем (или живописцем?)
Владимиром ВОЙНОВИЧЕМ,
живущим между Россией и Германией,
сумела побеседовать по широкому,
но культурному кругу вопросов
обозреватель «Известий» Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

Владимир Войнович:

Люди вообще существа смешные

Убийства. - 1954 - 24.04.1954 - с 6,7

Войнович взял от судьбы все что мог. Прошел трудовой путь от пастуха до профессора Принстонского университета. Окончил пять классов средней школы: первый, четвертый, шестой, седьмой и десятый, что, впрочем, не помешало ему 12 лет состоять в Союзе писателей СССР. В 1981 году за роман о солдате Иване Чонкине Войнович был лишен советского гражданства, в девяностом получил гражданство назад.

Живет отец Чонкина на два дома — в Москве и Мюнхене, причем в последнее время все больше в Москве. И даже когда пытается уехать, жизнь выдергивает его назад. Пару недель назад Войнович отправился в Мюнхен с твердым намерением пробыть там не меньше месяца. Но вернулся прощаясь с Окуджавой...

— Правду ли говорят, что быть запрещенным писателем гораздо приятнее, чем разрешенным? В запрете всегда есть что-то лест-

ное для самолюбия. А разрешили — равносильно забыли...

— Конечно, когда меня запрещали, я резко рос в собственных глазах. Если такое большое государство с тобой борется и всерьез принимает за врага, сам начинаешь ощущать себя Голиафом. Так что, в общем, говорят правду. Тем не менее я всегда подчеркиваю, что свободу ценю превыше всего, что я противник любых за-прещений, а со своим самолюбием я как-нибудь договорюсь. К тому же меня уже несколько лет как «разрешили», я почти привык. Меня по-прежнему читают, издают и переиздают. И не только в России.

— Мне жалко времени, сил и нервов, потраченных на борьбу. За прещений, а со своим самолюбием я как-нибудь договорюсь. К тому же меня уже несколько лет как «разрешили», я почти привык. Меня по-прежнему читают, издают и переиздают. И не только в России.

Знаете, мне два раза в жизни пришлось переживать настоящий голод. Я хорошо знаю это состояние — когда можешь думать только о хлебе. Потом наступила другая полоса в жизни: я в состоянии пойти во французский ресторан, всего заказывать, и от того, что

все доступно, ничего по-настоящему не хочется. В литературе и в искусстве тоже, полоса французского ресторана — не самая благоприятная. В смысле интереса публики.

— Вам не жалко времени, сил и нервов, потраченных на чистую антисоветчину — «Иванькиаду», «Шапку», второй том «Чонкина»?..

— Мне жалко времени, сил и нервов, потраченных на борьбу. За прещений, а со своим самолюбием я как-нибудь договорюсь. К тому же меня уже несколько лет как «разрешили», я почти привык. Меня по-прежнему читают, издают и переиздают. И не только в России.

Знаете, мне два раза в жизни пришлось переживать настоящий голод. Я хорошо знаю это состояние — когда можешь думать только о хлебе. Потом наступила другая полоса в жизни: я в состоянии пойти во французский ресторан, всего заказывать, и от того, что

Я не считаю себя антисоветским писателем. Мне кажется, во всяком случае, что многое из написанного мною пережило советскую власть...

— На ваш взгляд, какие из ваших книг останутся надолго? Ну первый том «Чонкина» — наверняка. Что еще?

— Я думаю, маленькая повесть «Путем взаимной переписки»...

— По-моему, самая страшная ваша вещь...

— Страшная? Не знаю... Просто жизненная. Зрелая «заочница» окрутила молоденького солдата. Наверное, его судьба могла сложиться иначе.

Но, если бы я стал составлять сейчас этот сборник избранного — того, что, может быть, меня переживает, я и «Шапку» туда включил бы обязательно. Это не антисоветчина. Не только антисоветчина. Ситуация, похожая при любой власти. Разве сейчас мы не присутствуем при небывалой по

масштабам раздаче «шапок»?

— Насколько я знаю, последняя ваша книга, «Замысел», вышла 2 года назад. Вы продолжаете держать паузу?

— Нет, сейчас как раз заканчиваю новую повесть.

— Из нашей жизни?

— Из нашей. Действие там начинается в 1956 году, а заканчивается в наши дни.

— Вы можете объяснить, почему нынешнее российское время в нынешнюю российскую литературу никак не укладывается? Почему растерялись, затаились, примолкли?

— Да мне кажется, ничего удивительного здесь нет. Нельзя описывать погружение «Титаника», находясь на его борту. Литература — вещь традиционная. Другое дело, что в ней есть те, кто плывет против течения. Но течение-то все равно должно быть! А у нас пока каждый день все меняется. Приведу простейший пример — цены. Помните, русские классики всегда любили упоминать, сколько стоил в трактире поросенок с хреном...

— Но, скажем, после революции 17-го года цены тоже менялись по три раза на дню и тоже стояла полная неразбериха, а сколько писателей и поэтов сразу возникло... Может быть, бывают эпохи антихудожественные, в принципе отторгающие слово?

— Да вряд ли. Всего лишь новое время непременно требует новых слов. А настолько нового времени Россия еще не знала. После революции была гражданская война — сюжет, для нас знакомый и узнаваемый. А тут все рухнуло, все сломалось и разлетелось. Жизнь должна отлиться в некие стабильные формы, тогда появится и литература об этой жизни.

— Если вы способны «договориться со своим самолюбием», значит, вас должно радовать, что ваш роман-утопию «Москва 2042»,

скорее всего, будут знать только литературоведы...

— Страшно радует. Я всегда сопротивлялся, когда этот роман пытались называть пророческим... «Москва 2042» писалась не как пророчество, а как предупреждение. Вот к чему мы придем, если и дальше будем развивать социализм...

— Владимир Николаевич, а вам не любопытно написать второй роман под сходным названием. Что-нибудь вроде «Москва 2057»...

— Нет, это слишком серьезный труд. Я за такое уже не возьмусь...

— Что в нашем времени кажется вам смешным?

— Смешно в любые времена примерно одно и то же. Смешно, когда человек выдает себя за изделие из совсем другого теста... Очень комично смотрятся вчерашние правдоверные атеисты, молящиеся со свечками в храме. Или воинствующие антисоветчики с солидным партийным стажем за спиной. Какой я антисоветчик по сравнению с недавними членами ЦК...

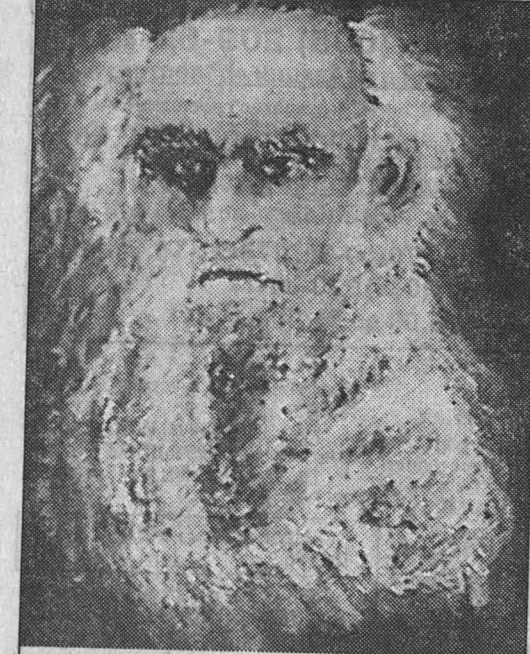
Люди вообще существа смешные. Описывать жизнь такой, какая она есть, — это значит сочинять смешное произведение.

— Полтора месяца назад норильский театр привозил в Москву спектакль по «Чонкину». Встретили их на ура. Почему бы вам не взяться опять писать для театра? Это как раз то искусство, которое успевает за жизнью.

— Очень хочу писать для театра. Он успевает за жизнью, это правда, и он сам сегодня живой в отличие от литературы, это тоже правда. Драматургией я начал заниматься давно. «Хочу быть честным» и «Два товарища» довольно широко шли по стране еще в 60-е годы.

— Практически невозможно. Я говорил об этом неоднократно, но по такому поводу и повториться не грех: писатели у нас входят в са-

Окончание.

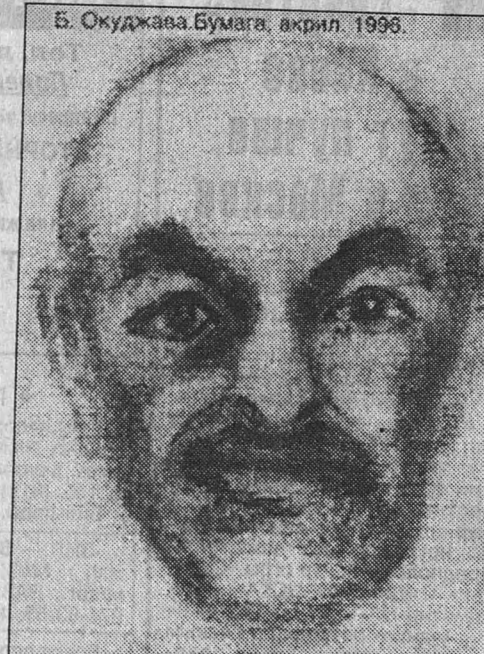
В.Войнович. Лев Толстой.
Картон, масло. 1995.

Во время перестройки были «Трибунал» в Театре сатиры и «Шапка» в «Современнике». В «Трибунале» один из актеров играл, пародируя Горбачева. На спектакль пришла дочь Михаила Сергеевича, все рассказала папе, папа где-то что-то про это сказал, и Плучек свой собственный спектакль закрыл.

— Театр — это не только живое искусство, но и какие-никакие живые деньги. Думаю, литературой сейчас зарабатывать трудно...

— Практически невозможно. Я говорил об этом неоднократно, но по такому поводу и повториться не грех: писатели у нас входят в са-

Начало.

В.Войнович. Булат Окуджава.
Бумага, акрил. 1996.

ехал по адресу за гонораром, выяснилось, что издательства больше нет. Исчезло бесследно. На издателя объявили всеобщий розыск. Нашли, кстати, недалеко от Москвы — в Жуковском. Он теперь возглавляет какую-то другую фирму. Присудили ему гигантскую сумму, в основном уже не гонорар, а штраф. Рэкетиров заранее прошу не беспокоиться, не сомневаюсь, что все равно ни копейки не получу.

— А вы не пытались приторговывать картинами, раз уж обнаружили у себя талант живописца в столь зрелом возрасте?

— Как не пытался — уже картин сорок продан.

— Вы, видимо, очень плодовитый художник...

А это моментальный портрет мужа в исполнении жены.

— За три года — 200 картин. Я не люблю долго заниматься одним и тем же делом. Перепробовал самые различные жанры в литературе, писал даже сказки и песни...

— «Заправлены в планшеты комические карты...».

— И эту в частности. Чувствую, что интерес к литературе у людей падает. А я не из тех писателей, которым все равно, читают их или нет. Так что я очень кстати открыл в себе... Не знаю, как это назвать, «талант» — уж очень громко. Гово-

рят, мне лучше всего удаются портреты. Но когда портрет получается непохожим, я всегда говорю: «Пусть это будет другой человек».

У меня были уже две персональные выставки. Третья должна открыться осенью в Доме художников.

— Обычно «возвращенцев» щедро облачивают на родине. Чего удостоились вы за эти семь лет?

— Это ни на чем не основанная легенда. Меня встречали сквозь зубы. Вернули квартиру, и то только благодаря Горбачеву. Я стал лауреатом премии «Триумф» нынешнего года. Выступая с ответной речью, я сказал, что из всех видов поощрения на меня всю жизнь распространялось только одно — снятие предыдущих взысканий.

— Как вы полагаете, от вашего поколения следует ожидать еще каких-то реальных свершений или оно свое слово уже сказало?

— Даже если сказано, что в том дурного? Теперь скажите вы свое. «Шестидесятники» не кричат сами о себе, о них кричат другие — много, и в последнее время довольно злобно. Может быть, потому что это поколение состоявшихся людей. Нам повезло. «Оттепель» действительно была, хотя КПСС одно слово сказала, а два назад взяла. Не повезло тем, кто был до нас, и тем, кто шел сразу вслед за нами. Ваше поколение — тоже везучее. Даже парень, который сегодня в палатке торгует, он счастливый человек.

Фото
Виктора АХЛОМОВА.